

Риккерт Генрих

**Науки о природе и науки о
культуре**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34   **Генрих Р.**
Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Генрих – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 215 с.

ISBN 978-5-519-80702-9

ISBN 978-5-519-80702-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отъ якобы родственныхъ ей, но въ сущности глубоко отъ нея отличныхъ построений ¹⁾).

1. Точка зрѣнія натуралистическаго позитивизма и отрицанія исторіи, какъ самостоятельной науки. Такъ какъ нашей цѣлью въ дальнѣйшемъ будетъ отграниченіе теоріи Риккерта отъ другихъ родственныхъ ей теорій, то мы должны будемъ начать съ характеристики той точки зрѣнія, которая одинаково противоположна исѣмъ этимъ теоріямъ, именно точки зрѣнія отрицающаго исторію натуралистическаго позитивизма. Протестъ противъ натурализма и признаніе за исторіей самодовлѣющаго значенія есть то общее, что объединяетъ данныя теоріи и объясняетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ грубое смѣшеніе. Натуралистическій позитивизмъ есть методологическій монизмъ. Всѣ науки для него пользуются однимъ универсальнымъ методомъ и могутъ быть расположены въ одинъ линейный рядъ, различаясь между собою не принципиально, но только въ степени, соотвѣтственно тому, насколько совершенно приблизились онѣ къ осуществленію общей для всѣхъ наукъ, единой цѣли. Цѣль эта—выставленіе математически формулируемыхъ законовъ. *Законъ* понимается въ смыслѣ регулярнаго постоянства явленій, и смыслъ его полагается въ возможности предвидѣнія будущаго на основаніи знанія предыдущаго. Такое предвидѣніе относительно однихъ, болѣе сложныхъ явленій труднѣе, чѣмъ относительно другихъ, болѣе простыхъ. Но принципиально оно возможно всюду, и совершенный разумъ, зная настоящее состояніе міра во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ, могъ бы, на основаніи

---

¹⁾ Желая избѣгнуть безцѣльнаго повторенія риккертовскихъ формулировокъ, мы предполагаемъ въ дальнѣйшемъ содержаніе данной книжки извѣстнымъ.

познаннаго наиболѣе общаго закона, съ абсолютной точностью предсказать все будущее развитіе міра. Для этого ему нужно было бы только въ формулѣ закона неизвѣстныя x и y замѣнить опредѣленными числами, выражающими соотношеніе міровыхъ элементовъ въ данный моментъ времени. Идея такого совершеннаго разума, формулированная *Лапласомъ*, лучше всего выражаетъ цѣль науки въ пониманіи натуралистическаго позитивизма. *Контова* классификація абстрактныхъ наукъ лучше всего выражаетъ структуру науки въ его пониманіи. Всѣ науки принципиально однородны: на вершинѣ знанія стоитъ математика, выражающая законы о наиболѣе общихъ и простыхъ явленіяхъ. Внизу этого линейнаго ряда—соціологія, какъ наука о наиболѣе конкретныхъ и сложныхъ процессахъ. Между этими крайними полюсами научнаго знанія расположены всѣ науки ¹⁾. Исторія, съ этой точки зрѣнія, есть либо соціологія, т. е. наука, устанавливающая законы общественной жизни, либо сырой фактическій матеріалъ, или переходная стадія къ этой наукѣ. Такимъ образомъ, натурализмъ провозглашаетъ не только абсолютную примѣнимость естественно-научнаго метода, но и его исключительное господство: историческая жизнь не только ничѣмъ не отличается отъ явленій природы, но и принципиально

1) Ни *Контъ*, признававшій на ряду съ абстрактными также и конкретныя науки, ни тѣмъ болѣе *Лапласъ*, довольно явственно сознававшій самодовлѣющее значеніе наукъ о конкретномъ, не придерживались такого крайняго методологическаго монизма. Желая возможно рѣзче охарактеризовать различныя точки зрѣнія, мы намѣренно беремъ здѣсь ихъ въ ихъ наиболѣе чистомъ и крайнемъ видѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдователи Конта сплошь и рядомъ выставляли именно такой утрированный взглядъ.

можетъ быть, какъ и эти послѣднія, безъ остатка понята естественно-научнымъ методомъ. Въ этомъ смыслѣ натуралистическій позитивизмъ абсолютно раціоналистиченъ. Онъ отрицаетъ непознаваемое, принципіально ирраціональное.

Противопологаемый наивному субъективизму, утверждающему въ лицѣ свободы воли ирраціональное начало общественной жизни и на этомъ основаніи изымающему ее изъ подъ власти естественно-научнаго метода, натуралистическій позитивизмъ неуязвимъ. Преодолѣть его можетъ только точка зрѣнія, воспринимающая всѣ его правомѣрные мотивы, въ данномъ случаѣ раціоналистическое стремленіе подчинить своему методу всю дѣйствительность. Противопоставленіе раціонализму свободы воли, какъ ирраціональнаго начала, слишкомъ узко и въ обычномъ своемъ видѣ угрожаетъ его справедливымъ требованіямъ: поэтому, оно неспособно открыть ему глаза на ирраціональное. Лишь обнаруженіе ирраціональнаго въ самомъ общемъ его видѣ, пригодномъ одинаково для всѣхъ областей дѣйствительности, и въ особенности въ безспорномъ царствѣ натурализма—въ физическихъ наукахъ, могло поколебать его позицію. Это повсемѣстно присутствующее ирраціональное, противостоящее безудержному стремленію раціонализма подчинить всю дѣйствительность математической формулѣ, было найдено въ фактѣ. *Фактъ*, какъ начало, противоположное закону, получилъ признаніе въ самой физической наукѣ, въ лицѣ закона энтропіи, утверждающаго абсолютную неповторяемость и необратимость всякаго явленія, связаннаго съ тратой энергіи, т. е. всякаго физическаго (въ широкомъ смыслѣ) процесса вообще. Фактъ—невыводимъ изъ закона: это положеніе получаетъ въ настоящее время все большее признаніе среди самихъ позитивистовъ. Законъ утвер-

ждаетъ всегда лишь гипотетическую связь явленій, а не ихъ фактическую послѣдовательность: *если* наблюдается А, то за нимъ должно слѣдовать В—если, конечно, не случится никакихъ побочныхъ обстоятельствъ, уничтожающихъ дѣйствіе А. В не исчерпываетъ собой всего факта, одной стороною котораго оно только является. Изъ того, что мы знаемъ, что вода кипитъ при 100° Ц., мы не сможемъ сдѣлать заключеній, какія бациллы и сколько бациллъ погибнуть въ данномъ количествѣ воды, которое мы подвергнемъ кипѣнію. Мы сможемъ предвидѣть только то, что содержится въ самомъ законѣ, т. е. что данное количество воды закипитъ при 100° Ц. Но всей полноты факта, который случится въ связи съ кипѣніемъ воды, мы изъ этого закона вывести не сможемъ. Вывести изъ закона можно только то, что уже содержится въ немъ. Фактъ, какъ таковой, ирраціоналенъ, т. е. невыводимъ изъ закона. При большемъ количествѣ извѣстныхъ законовъ, мы сможемъ предвидѣть больше сторонъ ожидаемаго факта. Но всего факта, во всей полнотѣ его опредѣленій, мы предвидѣть никогда не сможемъ. Если даже видѣть въ фактѣ скрещеніе всѣхъ рѣшительно законовъ, и абсолютную индивидуальность и неповторяемость факта выводить изъ единичнаго и своеобразнаго сочетанія этихъ законовъ, то само это сочетаніе окажется тогда тѣмъ ирраціональнымъ остаткомъ, который уже не выводимъ ни изъ какого закона и допускаетъ о себѣ только фактическое знаніе. Въ этомъ смыслѣ намъ не поможетъ помочь никакая фикція совершеннаго разума. Только на основѣ факта, какъ ирраціональной данности, имѣетъ вообще смыслъ и возможно дѣйствіе закона. Говорить о реальности закона самого по себѣ, помимо факта, или, что хуже, разрѣшать фактъ въ скрещеніе хотя

бы безконечнаго числа законовъ есть натуралистическій реализмъ понятій, т. е. приданіе значенія реальному тому, что на самомъ дѣлѣ есть лишь отвлеченное обобщеніе отъ реальности и смыслъ имѣетъ лишь при наличности предшествующаго понятіямъ факта. Итакъ, *раціоналистическій позитивизмъ, сводя науку къ понятію закона, игнорируетъ ирраціональную фактичность дѣйствительности, все болѣе признаваемую современной наукой. Возводя самъ законъ въ дѣйствительность, онъ грѣшитъ естественно-научнымъ реализмомъ понятій.*

2. Исторія, какъ дополняющая естествознаніе наука о дѣйствительности. Отсюда возникаетъ идея дополняющей естествознаніе конкретной науки, или науки о дѣйствительности. Естественно-научному методу, удаляющемуся отъ дѣйствительности, сводящемуся къ формулированію гипотетически значащихъ общихъ законовъ, противопоставляется методъ историческихъ наукъ, какъ наукъ о конкретныхъ фактахъ, о дѣйствительности. Обѣ группы наукъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, составляя въ совокупности своей полноту знанія, стремящагося къ безконечной удаленной своей цѣли—постиженію всей дѣйствительности во всей полнотѣ ея необозримаго многообразія. Естественныя науки суть науки объ общемъ, являющемся лишь отвлеченіемъ отъ дѣйствительности. Историческія науки—объ индивидуальномъ и единичномъ, т. е. о самой дѣйствительности. — Въ сущности уже у Лапласа можно найти признаніе двухъ типовъ наукъ, несмотря на его раціоналистическую формулу совершеннаго разума. О. Контъ тоже постоянно подчеркивалъ, что его классификація есть лишь классификація абстрактныхъ наукъ, на ряду съ которыми

стоятъ науки повѣствовательныя, или конкретныя. Но у *Лапласа* и у *Конта* все же первенство принадлежитъ абстрактнымъ наукамъ: конкретныя науки—необходимая поправка, символъ несовершенства нашего разума. Равноправность историческихъ наукъ съ абстрактными была, повидимому, впервые сознана и явно высказана *Курно* (Cournot, Essai sur les fondements de nos connaissances, 1851, въ особенности глава XXI; Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire 1861, 2 тома). Въ настоящее время ее защищаютъ *Naville* (De la classification des sciences, 1882, 2 изд. 1901), *Xenopol*, (Les principes fondamentaux de l'histoire 1899). Какъ «идіографическую» науку о конкретномъ въ противоположность «номотетическимъ наукамъ» (естественнымъ) объ общихъ законахъ понимаетъ исторію *Виндельбандъ*, высказавшій эту мысль впервые въ 1-мъ изданіи своей *Geschichte der neuen Philosophie* (1878 г. § 92 начало ¹⁾), а затѣмъ детальнѣе развившій ее въ нашумѣвшей рѣчи *Naturwissenschaft und Geschichte* 1894, (включено въ 3-е изд. «Прелюдій», на рус. яз. въ приложеніи къ «Прелюдіямъ» 1904 г.) Аналогичныя мысли развиваетъ *Harms* въ своей *Geschichte der Psychologie* 1878. Наконецъ, *Зиммель* въ первомъ изданіи своихъ *Die Probleme der Geschichtsphilosophie* (1892 г.) обосновываетъ исторію, какъ науку о дѣйствительности, дополняющую естествознаніе (въ послѣдующихъ изда-

---

¹⁾ Изъ этого можно видѣть насколько неосновательно *Itelson* (на третьемъ международномъ конгрессѣ философіи), и вслѣдъ за нимъ *Койгенъ* (*Archiv für systematische Philosophie*. 1908 г.) упрекаютъ *Виндельбанда* въ позанимствованіи у *Harms'a*. Книга послѣдняго *Geschichte der Psychologie* тоже вышла въ 1878 г. Насколько неосновательно смѣшивать *Риккерта* съ *Виндельбандомъ* и тѣмъ болѣе *Гармсомъ*, будетъ показано ниже.

ніяхъ онъ самъ возстаєть противъ такого «историческаго реализма понятій»). У насъ А. А. Чупровъ (Очерки по теоріи статистики 1909) придерживается въ настоящее время аналогичнаго взгляда: «номологическимъ» наукамъ онъ противопоставляетъ «онтологическія». Къ послѣднимъ между прочимъ относятся исторія и статистика. Обѣ онѣ суть науки о фактахъ и одинаково равноправны съ науками о законахъ. Знаніе факта необходимо намъ какъ въ практическихъ цѣляхъ, такъ и само по себѣ. Фактъ же, будучи подчиненъ закону, не укладывается всецѣло ни въ одинъ законъ или въ группу законовъ. Отсюда — путь къ обоснованію статистики, какъ самостоятельной науки о конкретныхъ состояніяхъ человѣческихъ обществъ.

Нетрудно видѣть недостаточность такого обоснованія исторіи, какъ самостоятельной науки. Въ основѣ его лежитъ противоположеніе общаго и единичнаго. «Номологическія» науки суть науки только объ общемъ. «Онтологическія» (у Виндельбанда — «идіографическія») только объ индивидуальномъ и единичномъ. Одни — объ общихъ («недѣйствительныхъ», а только «значащихъ») законахъ, другія о конкретной дѣйствительности. Но, если присмотрѣться ближе къ естественнымъ наукамъ, т. е. къ наукамъ объ общихъ законахъ, то можно ли сказать, что онѣ не имѣютъ дѣла съ единичнымъ и индивидуальнымъ? Конечно, нѣтъ. Даже самыя абстрактныя науки сплошь и рядомъ интересуются отдѣльными индивидуумами, совершенно не повторяемыми, какъ напр. астрономія интересуется солнцемъ, луной и другими единичными явленіями. Мало того, и физикъ и химикъ желаютъ предвидѣть именно конкретный фактъ, если и не данный во всей его необозримой полнотѣ, то во всякомъ слу-

чаѣ индивидуализированный во времени и пространствѣ и, какъ таковой,—единичный, абсолютно не повторяющійся. Смыслъ формулируемаго въ математической формулѣ естественнонаучнаго закона въ томъ и заключается, что общее формулы обнимаетъ въ себѣ единичное конкретнаго явленія, съ абсолютной точностью выводимаго изъ общей формулы. На этой возможности точно опредѣлить единичное явленіе и покоится вся мощь естественно-научнаго метода. Современное понятіе закона тѣмъ и отличается отъ античнаго родового понятія, что оно есть понятіе закономерно-образованнаго *ряда* единичныхъ явленій. Порядокъ расположенія и опредѣленія этихъ единичныхъ и неповторяющихся явленій и есть то общее, что выражается въ математической формулѣ закона. Но это общее имѣетъ смыслъ только въ связи съ единичнымъ: общее и единичное—одинаково необходимые, коррелятивные элементы закона. Общее не внѣ единичнаго, а проникаетъ собою единичное; единичное возможно лишь на основаніи общаго. Отрѣзать одно отъ другого, видѣть въ этихъ необходимыхъ элементахъ всякаго научнаго метода самостоятельные принципы двухъ противоположныхъ методовъ, даже двухъ группъ наукъ, совершенно несостоятельно. Игнорирующая единичное наука не есть естествознаніе, игнорирующее общую связь нагроможденіе конкретныхъ фактовъ не есть исторія. Такимъ образомъ, простого противоположенія общаго и единичнаго, или понятія—дѣйствительности (факту) недостаточно еще для обоснованія особой группы наукъ, отличныхъ отъ естественно-научныхъ.

Страннымъ образомъ всѣ эти, какъ намъ кажется, совершенно неоспоримые аргументы были выдвинуты не противъ указанныхъ нами выше авторовъ, къ ко-

торымъ они, дѣйствительно, вполне приложимы, а противъ теоріи Риккерта, истинный смыслъ которой можетъ быть понятъ именно тогда, если мы противопоставимъ ее этимъ теоріямъ. Первымъ, выдвинувшимъ противъ Риккертовской теоріи эти аргументы, былъ *Мюнстербергъ* (*Grundzüge der Psychologie* 1900), который воспользовался ими для обоснованія своего болѣе «онтологическаго» (въ противоположность слишкомъ «формальному» риккертовскому) дѣленія наукъ, къ которому мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ. На аналогичныхъ соображеніяхъ построили свои возраженія противъ риккертовской теоріи и *Геттфингъ* (*Göttin-gische gelehrte Anzeigen* 1906, № 1), *Лиль* (*Logik und Erkenntnistheorie* 1907 въ *Kultur der Gegenwart*, есть рус. пер.), *Фрисеисен—Кöhler* (*Über die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, *Archiv für syst. Philosophie*, Bd. XII и XIII), а въ самое послѣднее время *Кассиреръ* (*Substanzbegriff und Funktionsbegriff* 1910). Самъ Риккертъ, несомнѣнно, далъ поводъ къ такимъ возраженіямъ. Противоположность естествознанія и исторіи, т. е. противоположность различныхъ видовъ соотношенія «общее—единичное» предносилась Риккерту сначала въ видѣ противоположности общаго—единичнаго. Въ особенности имѣетъ это мѣсто въ первомъ изданіи настоящаго доклада гдѣ, какъ Риккертъ теперь самъ признаетъ, идея цѣнности мало разработана. Отголоски этой точки зрѣнія въ большемъ количествѣ замѣтны также въ «Границахъ естественна-научнаго образованія понятій», гдѣ исторія часто опредѣляется какъ наука о дѣйствительности. Въ «Философіи исторіи» и въ настоящемъ изданіи «Наукъ о природѣ» Риккертова теорія, наоборотъ, формулирована въ терминахъ, не допускающихъ уже подобныхъ недоразумѣній.

Дѣло въ томъ, что противоположность «генерализирующаго» и «индивидуализирующаго» методовъ не покрывается простой противоположностью общаго и единичнаго, какъ таковыхъ. Это есть, скорѣе, противоположность различныхъ видовъ общаго, которымъ соотвѣтствуютъ различные виды индивидуальнаго, или единичнаго. Совершенно вѣрно, что нѣтъ общаго безъ единичнаго, что всякій методъ состоитъ изъ обоихъ этихъ одинаково необходимыхъ, коррелятивныхъ элементовъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что имѣется только одинъ видъ общаго и соотвѣтственно этому одинъ только видъ индивидуальнаго, — именно отмѣченное выше единичное естественныхъ наукъ? Что такое единичный фактъ естественныхъ наукъ? Это явленіе, которое, несмотря на свою временно-пространственную индивидуализацію, все же всегда разсматривается, какъ *экземпляръ* родового понятія или надъ нимъ стоящаго общаго закона. Солнце, луна для астронома всегда экземпляры общихъ родовыхъ понятій, они всегда безъ всякаго ущерба для своей единичности могутъ быть подведены подъ общіе законы, какъ примѣры выраженной въ нихъ общности. Всѣ ихъ качества принципиально обозримы. Они, дѣйствительно, представляютъ собою скрещенія общихъ законовъ, единичность ихъ случайна для естествоиспытателя. Въ сущности всякій экспериментъ есть нѣчто единичное и неповторимое. Но смыслъ его и основанъ именно на томъ, что, будучи единичнымъ и, какъ таковой, неповторимымъ, онъ все же вполнѣ экзemplифицируетъ собою общій законъ, подъ который подводится. Поэтому онъ, несмотря на свою неповторимость, всегда можетъ быть замѣненъ безъ ущерба для нашего знанія другимъ столь же единичнымъ фактомъ. Что солнце, луна и т. д. не могутъ быть замѣнены другими не-